

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ НАБЛЮДАЕМОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КИТАЕ

Константин ЯНОВСКИЙ

кандидат экономических наук,
заведующий лабораторией
институциональных проблем
научного направления «Политическая
экономика и региональное развитие» ИЭПП

Дмитрий МАСЛОВ

научный сотрудник лаборатории
институциональных проблем ИЭПП

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Я приехал из Китая...
Богородица святая!
Хороша страна Китай...
Император всекитайский...
Каждый чих его — закон,
А Пекин — его столица,
На него должна молиться.
Я поклон ему отвесил,
Но правитель был невесел.
Полицейских вызвав рать,
Он велел меня забрать...
Ах, ах, ах! Постичь едва ли
Европейскому уму,
Чтобы запросто сажали
Невиновного в тюрьму.

Возвращение из Китая¹

Экономический рост современного Китая впечатляет очень многих. Китай предлагается в качестве модели для подражания экономистами с противоположными взглядами: от либертарианских (Cato Institute², А. Илларионов³) до этатистских (В. Попов⁴). Такое единодушие усиливает впечатление, которое на поверку может оказаться обманчивым.

В этой статье авторы намерены показать, что:

- китайский экономический рост гораздо менее устойчив, чем обычно считают;
- власти страны, особенно в последние годы, позволяют себе немало действий, подрывающих стабильность роста;

¹ Напевы немецкой шарманки // Страницы немецкой поэзии в переводах Льва Гинзбурга: От лирики вагантов до поэтов ГДР. М.: Прогресс, 1970. С. 65.

² Cato Institute (Институт Катона) (www.cato.org) настроен весьма оптимистично относительно перспектив продолжения китайского экономического чуда, роста китайского потенциала и значения этой страны как партнера (www.freetrade.org/issues/china.html).

³ www.libertarium.ru/1_ptchina_china.

⁴ Попов В. Пекинский консенсус // Коммерсантъ. 2006. 1 сент.; Попов В. Шок и рынок // Коммерсантъ. 2006. 30 авг.

- феномен роста Китая начиная с 1980-х годов содержит гораздо меньше нового и поучительного, чем принято думать;
- сценарии высоких темпов экономического роста в долгосрочном периоде, при которых Китай сможет прочно занять позицию крупнейшей экономики мира, существуют, но их реализация маловероятна.

Хотя большинство богатых стран относится к правовым демократиям, феномен быстрого роста экономики в авторитарных государствах не является чем-то необычным. СССР на протяжении многих десятилетий впечатлял западных интеллектуалов своими экономическими успехами. Лидеры западного мира⁵ всерьез допускали перспективу сосуществования в условиях лидерства СССР по объему производства и производительности труда — то есть в условиях победы социализма в экономическом соревновании систем (хотя и видели неспособность социализма поддерживать сколько-нибудь приличный жизненный уровень граждан). Нобелевские лауреаты предсказывали неуклонное развитие «самой стабильной экономики мира» еще в 1980-е годы (П. Самуэльсон даже вносил этот сомнительный прогноз в свой знаменитый учебник по экономике, включая издание 1989 года⁶).

При этом А. Пржеворский⁷ отмечал, что при сопоставимых средних показателях роста авторитарные режимы выигрывают по пиковым значениям — как положительным, так и отрицательным. Иными словами, главная проблема экономического роста при авторитарном режиме — нестабильность.

Если же расширить период рассмотрения с сорока лет, как у Пржеворского, до 180 лет, то эта разница становится еще более очевидной⁸. Вероятно, имеет смысл распространить осторожный подход Чжоу Эньлая к оценке итогов Великой Французской революции и на наблюдаемый с конца XX века экономический рост Китая.

Кроме преимущества осторожности и осмотрительности перед поспешностью, есть еще несколько веских причин не обольщаться успехами капиталистического строительства КНР.

В ряде своих более ранних работ мы показали, что надежность гарантий прав собственности требует в качестве необходимого предварительного условия надежности гарантий неприкосновенности собственника⁹.

В этих же работах мы объясняли феномен способности КНР привлекать прямые иностранные инвестиции путем своеобразного импорта институтов из развитых стран. Фактическое отсутствие практики задержания и лишения свободы обладателей паспортов стран с правовой демократией означало их реальную неприкосновенность — почти такую же, как и на родине. Для бизнесмена долговременная привычка к такому порядку вещей вполне эквивалентна универсальным правовым гарантиям. Хотя на самом деле механизм здесь принципиально иной — это сдержанность «стационарного бандита»

⁵ Foreign Relations of the United States 1961—1963. Vol. V: Soviet Union / Department of State. Washington, DC, 1998. www.state.gov/www/about_state/history/vol_v/01_09.html; Vol. X. Part I. FRUS, 1958—1960: E. Europe Region, Soviet Union, Cyprus. dosfan.lib.uic.edu/ERC/frus/frus58-60x1/13soviet7.html.

⁶ «Советская экономика доказала, что, вопреки неоднократно высказывавшемуся ранее скептицизму, социалистическая командная система может работать и даже процветать» (цит. по: Samuelson P.A., Nordhaus W.D. Economics. 13th ed. N.Y.: McGraw-Hill, 1989. P. 837).

⁷ Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World 1950—1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

⁸ Яновский К., Шульгин С. Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития // Экономическая политика. 2008. № 3.

⁹ Там же; Май В., Яновский К., Жаворонков С., Маслов Д. Институциональные предпосылки современного экономического роста // Научные труды № 106Р. М.: ИЭПП, 2007; и др.

в отношении как объемов взимаемой ренты, так и методов ее выбивания. Но, как отмечал еще М. Олсон, только демократия с конкурентной властью и прозрачными универсальными процедурами может обеспечить гарантии собственника и собственности независимо от политической конъюнктуры¹⁰ и личных соображений того или иного вождя.

На определенном этапе стационарный бандит полагает, что можно изымать ресурсы посредством платежей, именуемых налогами. Это особенно характерно для случая непрерывного экономического роста, когда даже в краткосрочном периоде выгоднее поддерживать права контрагентов, чем их грабить. Но в один — далеко не прекрасный для предпринимателя — день стационарный бандит может решить, что ему срочно нужны деньги (на борьбу с последствиями кризиса или наводнения, на войну и т. п.) и потому несознательный предприниматель должен расстаться со своим бизнесом. Чтобы ускорить разъяснительную процедуру, предпринимателя можно посадить. Такая практика широко распространена в государствах, основанных не на власти закона, а на дискреционном, то есть произвольном принятии решений.

В конце 1970-х годов политически мотивированное насилие в Китае резко сократилось. Иначе говоря, снизились риски для жизни потенциального собственника. Само понятие «быть собственником» было реабилитировано и перестало считаться преступлением. Огромный «навес» возможных взаимовыгодных сделок и мелких бизнесов начал реализовываться, обеспечивая высокие темпы роста. Из других ключевых источников такого роста следует выделить один из самых низких уровней экономического развития в мире на новом старте и огромный резерв дешевой рабочей силы в деревне, до сих пор не исчерпанный. Все это создало условия для быстрого и сравнительно продолжительного роста китайской экономики.

1. Деревня — городу

Главным конкурентным преимуществом и ресурсом роста китайской экономики является в настоящее время человеческий капитал, рабочая сила — дешевая и относительно квалифицированная. При этом китайцы неприхотливы и имеют определенные представления о трудовой этике.

Наплыв рабочей силы из села, где уровень жизни не вырос существенно за последнюю тысячу лет, делает конкуренцию между людьми в Китае особенно ожесточенной, заставляет их проявлять свои лучшие способности и работать, по сути, на пределе своих возможностей. Помимо всех косвенных и трудноподсчитываемых эффектов отметим и чисто экономический: высокая конкуренция обуславливает низкую стоимость рабочей силы, что вкуче с систематически занижаемым курсом юаня уменьшает стоимость товаров, идущих на экспорт (то есть повышает конкурентоспособность китайской продукции).

Через десятилетия роста, подпитываемого давлением притекающей из деревни рабочей силы, прошли в прежние времена и Европа, и Россия (СССР), и отчасти даже США.

Маршрут прохождения этого этапа в СССР, как, впрочем, и в Китае при Мао, был, несомненно, наиболее варварским среди крупных индустриальных стран. При этом сакраментальное «недоедим, а вывезем» играло роль доста-

¹⁰ Olson M. Power and Prosperity. N.Y.: Basic Books, 2000.

точно скромную¹¹. Иными словами, отъем у крестьян продовольствия на экспорт по заниженным ценам и продажа защищенной тарифами продукции отечественной промышленности по ценам завышенным, вероятно, имели меньшее значение, нежели переток наиболее трудоспособных, энергичных, честолюбивых агентов из деревни в город.

Заметим, что ни в СССР, ни в Китае при «большом скачке» политика ускоренной индустриализации, накопления за счет мобилизации ресурсов села не имела серьезной отдачи¹². Само по себе наличие избыточной трудовой массы, очевидно, еще не гарантирует высоких, а тем более устойчивых темпов роста, так что при тоталитарной политике даже этот козырь не всегда играет. Долгосрочное значение мобилизованного ценой голодомора зерна в индустриализации СССР не имеет надежных подтверждений — быстро добытые дополнительные 4—5 млн тонн зерна в течение двух лет¹³ за счет потери миллионов человек «навеса» рабочей силы — неочевидное приобретение даже в перспективе 1933—1941 годов. Вопрос о политической стабильности и страхе как инструменте мобилизации мы здесь не обсуждаем. Отличие Китая до сих пор заключалось в том, что его человеческие ресурсы казались неисчерпаемыми, в то время как в СССР после голода, войны и ГУЛАГа нехватка рабочей силы стала ощущаться уже в 1950—1960-е годы.

Итак, главным фактором структурной трансформации в Китае, как ранее в других странах, является человеческий капитал (в широком смысле), а его истощение означает исчерпание резерва деревни. Возникает естественный вопрос, как долго может продлиться стимулирующий эффект от перелива населения из деревни в город.

Максимальное значение численности сельского населения в Китае было зафиксировано в 1995 году¹⁴ — 860 млн, после чего наблюдалось снижение. На данный момент доля сельского населения составляет около 55% общей численности населения. Если учесть, что сельское население сокращается примерно на 10 млн в год, то, по самому грубому подсчету, процесс урбанизации может растянуться на 40—60 лет.

Что касается избытка трудовых ресурсов, то, по некоторым оценкам, «навес» дешевой рабочей силы в современном Китае только на селе составляет примерно 17% трудоспособного населения страны¹⁵ (и это не считая городской безработицы в 4,5%, то есть не менее 10% трудоспособных горожан). А с учетом того, что малоэффективные государственные предприятия в значительной степени маскируют скрытую безработицу, реальные масштабы трудоизбыточного населения поистине впечатляют.

Однако можно предположить, что роль «навеса» дешевой рабочей силы как фактора экономического роста будет постепенно уменьшаться. Во-первых, потенциал экстенсивной модели экономического роста — за счет все более масштабного вовлечения ресурсов в экономику — в Китае в значительной мере исчерпан. Но причина здесь, как ни странно, не в ограниченности

¹¹ Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. Наивысшие темпы индустриализации совпали с ускорением бегства крестьян из голодающего села, а не с рекордными показателями зернового экспорта — ср. данные таблиц 8.6 (с. 297) и 8.9 (с. 315) — 12 млн тонн экспортированного зерна в 1913 году и 5,2 млн тонн в 1931 году с последующим падением экспорта.

¹² Там же. С. 316, табл. 8.10.

¹³ См.: там же. С. 315, табл. 8.9, ср. с аналогичными китайскими показателями: с. 316, табл. 8.10.

¹⁴ www.allcountries.org/china_statistics/4_1_population_and_its_composition.html.

¹⁵ Гельбрас В. Миграции китайского крестьянства // Вопросы экономики. 2005. № 7.

ресурсов (по крайней мере трудовых ресурсов, как мы отметили, вполне достаточно), а в ограниченности спроса, прежде всего мирового¹⁶. В середине 1990-х годов загрузка производственных мощностей составляла 30—60% (нормальной считается загрузка на уровне 80—90%) в зависимости от отраслей, в дальнейшем ситуация только ухудшалась¹⁷. Это свидетельствует о том, что создано множество дублирующих друг друга или вообще ненужных (с точки зрения спроса) производств. В этом контексте понятно, что продолжающийся приток рабочей силы ситуацию в экономике не улучшает (или это будет рост ради роста, как в командной экономике).

Во-вторых, власти ослабляют способность города абсорбировать мигрантов, препятствуя росту наиболее квалифицированного и образованного населения путем регулирования рождаемости. При этом искусственно создается дефицит квалифицированных кадров, что ведет к росту их стоимости и в долгосрочной перспективе — к снижению рентабельности экономики. Избыток малоквалифицированных мигрантов из деревни оказывает давление лишь на соответствующий сектор рынка труда. От низких цен на их рабочую силу выигрывают строительство, торговля, благоустройство городских территорий и т. п.

Однако диспропорции могут привести к ситуации, когда будет выгоднее создавать трудоемкие производства в ущерб капиталоемким (вместо одного крана использовать два десятка рабочих), а это негативно скажется на развитии технологий. По мере того как Китай все настойчивее претендует на роль мирового экономического и технологического центра, уровень образования и квалификации кадров становится определяющим фактором развития и «помощь из села» оказывается малоэффективной.

С нашей точки зрения, основная ошибка экономистов, видящих Китай лидером и примером для подражания, состоит в необоснованной экстраполяции трендов периода индустриализации и урбанизации — а это крайне ненадежное основание для прогнозов, в особенности для страны, где отсутствуют институциональные предпосылки долгосрочного экономического роста: надежные гарантии права собственности и неприкосновенности собственника в виде сочетания формальных обезличенных правовых норм и соответствующей традиции правоприменительной практики.

2. О достижениях в исторической ретроспективе

Если рассматривать рост экономики Китая в ретроспективе, то нынешние успехи уже выглядят не столь головокружительными. Головокружение сменяется лучшим пониманием. Так, в начале XIX века на Поднебесную приходилось около трети мирового продукта. В период бурного роста на Западе доля Китая в мировом производстве постоянно падала (как из-за внутренних причин — крестьянских войн и революций, так и из-за внешних — роста вклада других стран в мировой продукт). К 1995 году, согласно А. Мэддисону, доля Китая вернулась к уровню 10% и, хотя продолжает расти, остается значительно ниже прежних значений. Иными словами, Китай в конце XX столетия только восстановил, да и то лишь отчасти, позиции, утраченные им ранее, в ходе промышленного роста на Западе. Экономическая мощь Китая как прежде, так и сейчас во многом объясняется его обширной территорией

¹⁶ Во время кризиса 2008—2009 годов чрезмерная зависимость китайской экономики от экспортного сектора стала очевидной.

¹⁷ Гельбрас В. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопросы экономики. 2003. № 3.

Доли крупнейших стран в мировой экономике (%)

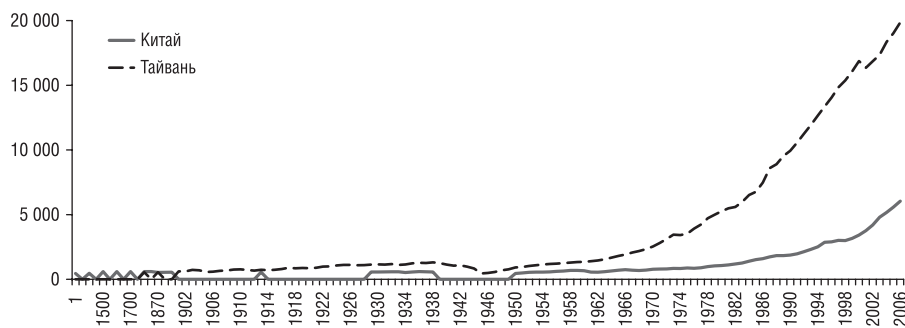
	1700	1820	1890	1952	1978	1995	2006
Китай	23,1	32,4	13,2	5,2	5,0	10,9	16,8
Индия	22,6	15,7	11,0	3,8	3,4	4,6	6,1
Япония	4,5	3,0	2,5	3,4	7,7	8,4	6,1
Европа	23,3	26,6	40,3	29,7	27,9	23,8	20,9
США	—	1,8	13,8	28,4	21,8	20,9	19,6
СССР/Россия	3,2	4,8	6,3	8,7	9,2	2,2	2,4

Источники: Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. P.: OECD, 1998. Table 2.2a (статистические данные см. в: www.ggdc.net/maddison/); Maddison A. Historical Statistics of the World Economy: 1-2006 AD. March 2009. www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/vertical-file_03-2009.xls.

и огромной численностью населения, так что даже при невысоких показателях ВВП на душу населения общий объем произведенного продукта там выше, чем в других странах.

Однако если сравнивать подушевой ВВП, то в отличие от начала XIX века отставание от лидеров экономического роста заметно выросло. По данным Мэддисона, Китай в 2006 году отстал от США более чем в 5 раз по показателю ВВП на душу населения (по паритетам покупательной способности, ППС, номинальный разрыв намного выше¹⁸). В 1820 году отставание от Великобритании было менее чем трехкратным (от Нидерландов — немного более чем трехкратным). Тайвань по-прежнему опережает Китай в три раза (рис. 1).

Следует, однако, оговориться, что, хотя мы и ссылаемся на статистические данные о ВВП Китая, весьма вероятно, что многие из них сильно завышены. Сложность объективных оценок обусловлена целым рядом причин. Официальная статистика склонна преувеличивать достижения и замалчивать недостатки. Существуют заметные расхождения между данными центральных статистических органов и сведениями, переданными из провинций¹⁹.

Источники: Maddison A. Историческая статистика на домашней странице А. Мэддисона. 2009. March. www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/vertical-file_03-2009.xls.

Рис. 1. Динамика подушевого ВВП Китая и Тайваня
(международные доллары 1990, Гэри—Хамис)

¹⁸ По оценкам Всемирного банка, подушевой национальный доход Китая в 2007 году составил 2037 долл., а по ППС — 5420 долл. по сравнению с показателями США: 46 040 и 45 840 долл. соответственно (WDI 2009), то есть показатели Китая меньше американских более чем в 22 раза, или в 6 раз по ППС.

¹⁹ Гельбрас В. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь».

Динамика официального ВВП заметно превосходит динамику более точно замеряемых натуральных показателей — потребления электроэнергии и внутренних грузоперевозок, и это при отсутствии данных, свидетельствующих о том, что экономика стала более энергосберегающей²⁰. Все это говорит о завышенности официальных данных по ВВП Китая.

Также отсутствует надежная информация о неэкспортном секторе²¹. Отрасли этого сектора намного менее открыты, а то и вовсе закрыты для мировой конкуренции. Зачастую они не вполне открыты даже для внутренней конкуренции (банковский сектор и ЖКХ). В результате они остаются отсталыми, а в отношении перспектив роста — бременем лежат на экспортном секторе.

Что касается экспорта, то его объем на протяжении двух последних десятилетий соответствовал уровню развития страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения²². Безусловно, в отличие от модели экономики, нацеленной на экспорт сырья (реализуемой, например, в России), «экспортно ориентированная» модель значительно более перспективна, однако она не может гарантировать устойчивость и долгосрочность роста. Последнее в конечном счете зависит от способности системы генерировать новые научно-технические знания, а также создавать механизмы их применения на практике. В этой области государство не может соперничать со свободным рынком, по крайней мере в длительной перспективе.

3. Рост китайского Левиафана

Невысокая, но систематически растущая доля государственных доходов КНР (5,4% от ВВП в 1995 году и 10,3% в 2007 году²³) и государственных расходов к ВВП (12,9% в 1997 году и 19,9% в 2007 году²⁴) свидетельствует о том, что хотя государственное фискальное вмешательство в экономику по сравнению с развитыми странами невелико, мера эта во многом вынужденная. Понятно, что при средних доходах большинства населения, едва превышающих прожиточный минимум, невозможно собирать налоги по высоким ставкам. Так, в одной из богатейших стран древнего мира — в Египте — налоговое бремя в 20% воспринималось и оценивалось как показатель рабского состояния²⁵. Также понятно, что государство, неподотчетное избирателю и достаточно сильное, чтобы стабильно собирать налоги, заинтересовано максимизировать налоговые сборы — как для укрепления режима в чисто военном отношении, так и для «покупки» политической стабильности. Последняя цель недостижима на определенном уровне налогового бремени в силу постоянной переоценки и роста «минимального» уровня, который стремится обеспечить государство.

Отметим, однако, что официальные данные не всегда и не вполне отражают уровень реального вмешательства государства в экономику, поскольку показывают только ту часть доходов, которые проходят через бюджеты различных уровней (то есть не учитывают нелегальные поборы, а также

²⁰ Гельбрас В. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь».

²¹ Механизм сбора и публикации информации статистическим ведомством КНР не защищен от политического давления и фальсификаций — как и в любом тоталитарном государстве, в котором публикуемая статистическая отчетность является в том числе инструментом пропагандистского воздействия на окружающий мир.

²² Попов В. Чудеса в экономике. Китайская модель против неолиберализма // Политический журнал. 2006. № 35—36.

²³ WDI 2009 / World Bank. Table 4.10.

²⁴ www.adb.org/Documents/Books/Key_Indicators/2008/xls/PRC.xls.

²⁵ Что нашло отражение в Пятикнижии (см.: Бытие 47:24).

совсем не оценивают упущенную экономическую выгоду от деятельности государства и его агентов, например отказ от открытия частного предприятия в связи с высокими административными барьерами).

Уровень экономической свободы в Китае по сравнению с первыми годами реформ очевидно вырос. При этом похоже, что реальная либерализация пришла в 1980-е годы. В дальнейшем ситуация не улучшалась, а, по некоторым мнениям, даже (относительно других стран) несколько ухудшилась²⁶.

В условиях смешанной экономики в строгом смысле сложно говорить о решающем влиянии на экономический рост государства (равно как и рынка). Тем не менее влияние государства оказывается хорошо различимым. Например, оно отражается в КНР в структуре ВВП и экспорта, где опережающие темпы роста начиная с 1990-х годов показывала «тяжелая» промышленность и соответствующие экспортные товары, в то время как легкая промышленность, бурно развивавшаяся в 1980-е годы благодаря мелким частным предприятиям, значительно отставала²⁷. Подобные структурные сдвиги, вероятнее всего, обусловлены влиянием государства, которое могло выражаться не столько в прямом вмешательстве в экономику, сколько в виде преференций крупным корпорациям, многие из которых тесно связаны со структурами компартии Китая (КПК).

Есть основания предполагать, что в дальнейшем, по мере увеличения ВВП, роль государства будет возрастать. Во-первых, в силу физической возможности собирать более высокие налоги (извлекать более высокую ренту) без опасности подорвать «налоговую»²⁸ (правильнее говорить — «административно рентную») базу. Во-вторых, с ухудшением делового климата (см. ниже) возможности государства игнорировать недовольство трудоизбыточного населения резко снижаются. Авторитарное государство может полностью отказаться от «социального» перераспределения, если оно обеспечивает высокие темпы экономического роста на здоровой основе, то есть на основе благоприятного делового климата. Следствием последнего является, как правило, отсутствие увеличения разрыва в доходах между социальными группами и регионами (чем выше темпы роста без искажающего государственного вмешательства, тем надежнее смягчаются диспропорции²⁹ в долгосрочном периоде). В подобной ситуации логичным является жесткое преследование правительством левых

²⁶ По методологии www.freetheworld.com, уровень экономической свободы в Китае вырос с 4,42 в 1980 году до 6,17 в 2006 году (максимально возможный индекс — 10,0), при этом в рейтинге Китай опустился с 80 до 88 места (www.freetheworld.com/2008/EconomicFreedomoftheWorld2008.pdf).

²⁷ В частности, производство стали выросло за 1990—2007 годы в 7,37 раз (в абсолютных значениях), экспорт машиностроительной продукции — в 48 раз, экспорт текстильной продукции — в 6,8 раз. При этом ВВП вырос в 5,3 раза. Источник: www.adb.org.

²⁸ В недемократическом государстве, как показано в работах М. Олсона (*Olson M. Power and Prosperity*), В. Май (*May B. Налоговая система: Верность ордынской традиции // Ведомости. 2007. 5 марта. www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/03/05/121750*), экономический смысл налогов радикально отличается от их смысла в государстве демократическом. В последнем случае налогоплательщик оплачивает — хотя и не вполне добровольно — поставку общественных благ. Причем при демократии налогоплательщика, особенно при утверждении ставок налогов с каждым законом о бюджете, как это бывало в США в XIX веке, уровень добровольности оказывался довольно высоким, в отличие от нынешних демократий всеобщего избирательного права. В недемократической же стране любые платежи государству практически не увязаны с объемом и качеством общественных благ и скорее напоминают не налог, а дань, то есть плату, откуп насильнику за временную отсрочку расправы.

²⁹ *Priest G. L. Poverty, Inequality and Economic Growth: Simple Principles. www.law.yale.edu/documents/pdf/Priest_poverty_inequality_and_economic_growth_simple_principles.pdf*; см. также: info.worldbank.org/etools/BSPAN/PresentationView.asp?PID=783&EID=399.

экстремистов за «разжигание классово́й розни», как это происходило в Турции³⁰. Однако, если власть сама склонна прибегать к социальной демагогии и при этом деловой климат ухудшается, обойтись без подкупа трудоизбыточного населения сложно. Последний в сочетании со стимулами чиновников к раздуванию требуемых для их ведомства ресурсов ведет к формированию устойчивой тенденции роста общего бремени государства.

Подобные действия и политическое решение властей опираться не на те группы населения, которые более других выигрывают от реформ, еще больше ухудшают деловой климат. В долгосрочной перспективе это провоцирует рост ожиданий люмпенизированных слоев и, таким образом, угрожает социально-политической стабильности. Это тем более опасно с учетом того факта, что КПК не является монолитным образованием. Партия фактически является не столько коалицией, сколько конгломератом групп специальных интересов. Институциональная слабость Китая заключается в отсутствии обратной связи в обществе: население не имеет возможности повлиять на решения руководства, и по мере снижения вероятности революционных выступлений слабеет мотивация руководителей продолжать реформы.

4. Новые тенденции

Выбор нового поколения

Есть серьезные основания полагать, что тенденция первых лет китайских реформ к либерализации экономики, к ослаблению государственного контроля прервана³¹.

Косвенно об этом свидетельствует опрос пекинских студентов 2007 года. По данным этого опроса, госслужба заняла второе место среди предпочитаемых профессий (на первом месте работа в транснациональных корпорациях). Из опрошенных студентов 13% хотели бы работать на государственных предприятиях и только 1% — заниматься частным предпринимательством³². Конкурсы на должности госслужащих бьют все мыслимые рекорды³³.

Так в позднем средневековье — при аналогичных уровне защищенности прав собственности и престиже предпринимательской деятельности — наиболее талантливые и энергичные люди, даже добившись успехов в торговле, зачастую старались купить титул, землю и стать как все «нормальные аристократы»³⁴, — то есть пробиться в элиту, принадлежность к которой определяла не столько возможность краткосрочного успеха, сколько надежный

³⁰ В соответствии с Уголовным кодексом Турции, действовавшим до 1 июня 2005 года (статья 312; в новом турецком УК — статья 216). www.rightsagenda.org/index.php?option=com_content&view=article&id=315:aliasfreedom-of-expression-in-the-new-tpc&catid=91:aliasreports&Itemid=130.

³¹ Huang Y. *Capitalism with Chinese characteristics: entrepreneurship and the state*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

³² Ibid. P. 282.

³³ Появляются, например, даже такие экзотичные сообщения: «Для участия в экзаменах на должность госслужащих в городе Вэйфан провинции Шаньдун в 2009 году подали заявления 37 021 человек, что на 15 070 больше, чем в прошлом году, при конкурсе 50—400 человек на место, сообщили китайские СМИ» (www.epochtimes.ru/content/view/22981/4/).

³⁴ См., например: *Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV веках. М.: Наука, 1987. В современной России некоторые предприниматели совершают кажущиеся на первый взгляд не вполне оправданными (с точки зрения прибыльности, к примеру) приобретения за рубежом — в странах, где собственность надежно защищена. При этом мотив ограничения рисков путем расширения доли малоприбыльных, но надежных активов представляется более чем рациональным во всех описанных ситуациях — от инвестирования своего человеческого капитала в подготовку к государственной службе до приобретения за рубежом футбольных команд.

(насколько это вообще было возможно), долгосрочный статус семьи. Статус не только политический, но и экономический, поскольку в стране, где доминирующее насилие³⁵ подменяет закон, власть (то есть насилие) и есть основной источник стабильного («легитимного») богатства.

При этом не наблюдается никаких признаков того, что возросший уровень вмешательства государства и перераспределения богатства в Китае уменьшил неравенство в стране.

Ухудшение инвестиционного климата, естественно, больше всего бьет по мелкому частному предпринимателю в деревне и в маленьких городах, что снижает возможности занятости и, отчасти искусственно, увеличивает миграцию в большие города.

Рынок рабочей силы: некоторые тенденции

Индийский опыт показывает, что свобода выезда и массовый выезд за рубеж наиболее талантливых, предприимчивых молодых людей не является однозначной потерей для страны. Напротив, это может выступить катализатором роста в долгосрочной перспективе — такого, каким стал рост высокотехнологичных отраслей, когда преуспевшие на Западе индусы прокладывают дорогу на свою родину инвестициям из США. В этом смысле либерализация эмиграционных процедур в Китае — явление, безусловно, в долгосрочной перспективе прогрессивное³⁶. При одном важном условии: для того чтобы у преуспевшего китайца возникло желание вернуться с капиталами и знаниями, заработанными за рубежом, в свою страну, необходима не только формальная возможность быстро открыть бизнес и вывести прибыль, — необходимые гарантии прав собственности и неприкосновенности собственника. В Индии как минимум наличествуют последние. В Китае ситуация пока далеко не столь однозначна.

А что будет, если отъезд энергичной молодежи за рубеж не вызовет через то или иное время обратного движения — притока человеческого капитала «с процентами» в виде новых знаний, опыта, репутации и заработанного капитала? Тогда этот процесс будет означать «смягчение проблемы безработицы» за счет отъезда потенциальных высококвалифицированных работников, менеджеров и предпринимателей — с последующим замещением их потенциальными дворниками и чернорабочими, в лучшем случае — металлургами и токарями.

Быстрорастущие китайские пригороды канадских городов, включая пригороды изначально богатые, наглядно иллюстрируют этот процесс. При этом надо отдавать себе отчет в том, что, в отличие от рожденных в 1960-е годы, современные китайцы, как правило, не будут действовать в ущерб себе во имя интересов родины и партии. Единственные дети городских семей, они не имеют оснований чувствовать себя обязанными своему государству. Проведя годы и десятилетия на Западе, они, вероятно, адаптируются там значительно глубже, чем их предшественники.

Отметим в связи с этим одно обстоятельство. Часто обсуждаемые меры властей КНР по контролю над Интернетом сами по себе, вероятно, не столь уж важны. Но они являются индикаторами двух явлений:

- информационной закрытости, стандартной для всех обществ, кроме конкурентной правовой демократии;

³⁵ Квазилегитимное насилие власти.

³⁶ Гельбрас В. Миграции китайского крестьянства // Вопросы экономики. 2005. № 7.

- более низкой вследствие этого конкурентоспособности Китая в борьбе за привлечение наиболее образованных научных и технических кадров, а также инвестиций в венчурные проекты (сама возможность государства-предпринимателя манипулировать информацией снижает доверие, что особенно опасно для высокорискованных долгосрочных проектов).

Структуру предложения рабочей силы в КНР дополнительно ухудшает политика контроля над рождаемостью. Власти, по сути, препятствуют воспроизводству слоя образованных, квалифицированных горожан. При этом возможности контролировать прирост населения на селе были и остаются ограниченными. Таким образом, нехватка образованных горожан «компенсируется» притоком пока еще честолюбивых и энергичных селян (на селе эффективный контроль над рождаемостью объективно затруднен: низкий уровень предоставляемых государством «социальных» услуг снижает интерес крестьян к государственной регистрации новорожденных). Но запас энергичной, предприимчивой сельской молодежи ограничен (среди мигрантов их явное меньшинство). Крестьянин, приехавший не «завоевывать столицу», а просто решить на время проблему пропитания, никоим образом не замещает нехватку («недородившихся» или эмигрировавших) более культурных горожан.

Наметившееся усиление роли государства объективно положительно коррелирует с ростом коррупции³⁷. При этом активная антикоррупционная политика властей заведомо неэффективна, поскольку «врач» лечит болезнь, которую сам же и вызывает.

Положение значительно усугубляется незрелостью правовой системы Китая и особенно неоднозначностью трактовки законов. Различные государственные и квазигосударственные органы берут на себя полномочия устанавливать правила относительно различных аспектов социальной и экономической жизни, однако выяснить, имеют ли они такие полномочия на самом деле, зачастую невозможно. Система не обладает эффективным и общепризнанным способом решения этих вопросов, по крайней мере разбирательства в суде таковыми не являются³⁸. Большое разнообразие регулирующих актов, выпущенных различными органами, не оставляет бизнесу возможности работать в строго легальном поле. Такая ситуация характерна для большинства развивающихся стран, где почти каждый экономический агент неизбежно обнаруживает себя нарушающим хоть какой-либо закон, а значит постоянно находится перед лицом возможных репрессий со стороны власти. Можно сказать, что из-за отсутствия в системе единого источника конечных полномочий не существует и единого китайского правового порядка, но вместо этого есть много «правовых» порядков, каждый из которых имеет собственные юрисдикцию, иерархию власти и правила³⁹.

Широко анонсированная кампания по борьбе с коррупцией, затеянная ради поддержания престижа КПК и преследующая популистские цели (переадресация недовольства народа с государственной власти в целом на отдельных чиновников и олигархов), на практике часто является расправой с политическими соперниками.

---

³⁷ Ранее коррупция была вполне эффективна в том смысле, что взятые на себя коррупцированными чиновником обязательства, как правило, неукоснительно исполнялись, что и вызывало «энтузиазм американских предпринимателей», о котором писал Л. Арон (*Aron L. Poor Democracies // AEI Outlooks & On the Issues. 2001. August 1. www.aei.org/issue/13028*).

³⁸ *Clarke D.C. Corporate Governance in China: Dilemmas of Reform and Institutional Environment. Washington University Law School, 2006. P. 49 (www.isnie.org/ISNIE06/Papers06/07.5/clarke%20draft.pdf)*.

³⁹ *Ibid.* P. 51.

5. Китайские гарантии

Даже на пике своих успехов Китай не обладал развитым транзакционным сектором. Китайские банки, инвестиционные компании оставались и остаются подконтрольными государству и неэффективными (см. ниже). Проблемы частного инвестирования венчурных проектов мы уже упоминали.

Все это имеет прямое отношение к отмеченной выше недостаточности самих по себе гарантий собственности и бизнеса без должных гарантий собственника. Это особенно актуально для крупных, долгосрочных, транзакционных проектов, сопряженных с таким множеством рыночных рисков, что заложить в прибыль дополнительные страновые политические риски просто невозможно. То есть для проектов, которые связывают капиталы на длительный срок и реализуются при помощи кооперации значительного числа агентов, требующих гарантий обезличенных, формальных, а не подкрепленных личным честным словом⁴⁰ и деловой репутацией партнера или обещанием уважаемого политического лидера, чиновника.

В июле 2009 года газеты и информационные агентства сообщили об аресте группы сотрудников австралийской компании *Rio Tinto*, в том числе гражданина Австралии. Компания — крупнейший поставщик железной руды для черной металлургии Китая. Ранее эта компания отвергла предложение китайской стороны инвестировать почти 20 млрд долл. в китайскую государственную корпорацию *Chinalco*. Китайские спецслужбы обвиняют сотрудников компании в промышленном шпионаже, в результате которого австралийцы якобы добыли информацию, позволившую им получить с Китая «лишние» 102 млрд долл.⁽¹⁾⁴¹ При этом в Австралии обсуждается информация о попытке китайских спецслужб взломать почту премьер-министра страны в 2008 году⁴².

Великобритания, прежде чем стать «мастерской мира», прошла почти столетний период гарантий неприкосновенности личности, отказа от практики произвольного начисления налогов с посадкой «неплательщика» и иных подобных действий. Иными словами, гарантии собственности в течение уже многих лет обеспечивались там прочными гарантиями собственника. Поэтому, даже утратив статус доминирующей мировой державы и двигателя мировой экономики, эта страна не скатилась в «развивающиеся» страны, а продолжает нормальное экономическое развитие.

Среди важнейших факторов инвестиционной привлекательности Китая — ощущение политической стабильности⁴³, высокая надежность неформальных договоренностей («хорошая коррупция», когда коррумпированный чиновник строго исполняет взятые на себя обязательства⁴⁴). Наконец, но далеко не

⁴⁰ Greif A. Cultural Beliefs and the organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Society // Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102. No 5. P. 912—950.

⁴¹ www.channelnewsasia.com/stories/afp_asiapacific_business/view/448282/1/html.

⁴² www.nytimes.com/2009/07/10/world/asia/10riotinto.html?_r=2.

⁴³ Ощущение в значительной степени иллюзорное с учетом приближения среднестатистических доходов к опасному порогу, когда дальнейшее развитие возможно только после революции (см.: Мау В.А., Стародубровская И.В. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001. С. 63, табл. 2.2); Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки // Научные труды ИЭПП. 2003. № 68. П. 4.3: Проблемы авторитарной модернизации.

⁴⁴ См., в частности: Арон Л. Бедные демократические страны / Международная конференция «Экономический рост: после коммунизма», Москва, 20—21 марта 2002 года. www.iet.ru/ru/bednye-demokraticheskie-strany-vmesto-prenebrezhitelnogo-k-nim-otnosheniya-zasluzhivayut-nashei-podderzhki-2.html.

в последнюю очередь⁴⁵, иностранные инвестиции были «как бы» защищены неформальными гарантиями гражданам развитых стран (старых правовых демократий) от произвольного ареста.

В сочетании с также неформальным правилом китайских руководителей не разорять «источники кормлений» друг друга в годы начиная с постепенного отхода от дел Дэн Сяопина «протез» западных гарантий неприкосновенности личности собственника (инвестора), казалось, отлично работал.

Однако неформальные гарантии продержались недолго. Недавно произошло событие, показывающее, что, по всей видимости, власти решились нарушить последние из таких «гарантий».

Дело компании *Rio Tinto* и арест австралийского гражданина Стерна Ху, сопровождающиеся уверенными комментариями официальных лиц о том, что процесс только повысит привлекательность Китая для прямых инвестиций⁴⁶, напоминают риторику официальных лиц России по поводу дел ЮКОСа и МЕЧЕЛа. Похоже, что аналогичный процесс, также запущенный в Китае несколько лет назад, перешел в новое качество. При этом цена вопроса для Китая в десятки раз выше, чем для России, — с учетом объемов и значимости прямых иностранных инвестиций для экспортного сектора и для экономики этой страны в целом.

Гарантии «своим» предпринимателям рухнули в Китае еще раньше. Наиболее известное из последних дел — арест Хуана Гуаньюя — одного из самых богатых людей Китая, владельца ритейлерской сети *Gome*. В отличие от большинства крупных китайских предпринимателей он не состоял в КПК. Активная кампания в китайских государственных СМИ, возглавляемая агентством «Синьхуа» (*Xinhua*), свидетельствует о том, что данный процесс носит явно не экономический характер. Громкий процесс и антикоррупционная риторика с удовлетворением воспринимаются частью населения, обеспечивая властям необходимую поддержку во время кризиса⁴⁷.

В 2006 году был арестован глава шанхайской инвестиционной корпорации *Fuxi Investment* Чжан Жункунь, который поддерживал «шанхайскую группировку» в руководстве КПК (состоявшую из соратников бывшего председателя Цзян Цзэминя). Осенью 2006 года в результате действий нового генсека Ху Цзинтао эта группа утратила свое влияние. Вслед за этим удар был нанесен по шанхайским предпринимателям, дружественным группировке Цзян Цзэминя.

Среди пострадавших бизнесменов из числа известных также Моу Цижун (*Mou Qizhong*) — миллиардер, наживший состояние в сфере телекоммуникационных спутников, Чжоу Чжени (*Zhou Zhengyi*) — один из богатейших людей Китая на момент ареста в 2003 году по обвинению в финансовых махинациях; Лю Сяоцин (*Liu Xiaoqing*) — актриса, обвиненная в неуплате налогов, и другие⁴⁸. В целом пример этих людей показывает, что, хотя заработать миллиардное состояние в Китае при определенной удачливости можно относительно быстро, потерять его — еще быстрее. Попадание же

⁴⁵ Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки.

⁴⁶ «„Это не повредит усилиям Китая по привлечению прямых иностранных инвестиций. Наоборот, мы верим, что это будет способствовать успешности таких усилий“, — заявил заместитель министра торговли Фу Цзын на брифинге» (*Business News*. 2009. 12 авг. www.channel-newsasia.com/stories/afp_asiapacific_business/view/448282/1/.html).

⁴⁷ Власти Китая арестовали самого богатого человека в КНР // Взгляд. 2008. 1 дек. www.vz.ru/news/2008/12/1/234159.html.

⁴⁸ Rises & Falls of Some Millionaires in China, *People's Comment* // *Beijing Time*. 2003. July 09. english.people.com.cn/200307/04/eng20030704_119456.shtml.

в списки *Forbes* в Китае воспринимается не как почетное достижение, а скорее как дополнительный фактор риска⁴⁹.

6. О текущем моменте

Кризис 2008—2009 годов и реакция на него правительств крупнейших развитых стран (паника и экспансия государственного вмешательства) укрепили уверенность руководства КПК в правильности политики государственного руководства экономикой, в частности политики контроля за банками. Банки остаются под прямым контролем государства, и государство расплачивается за их неудачи, рекапитализируя их время от времени⁵⁰. Сокращение емкости мировых рынков и возможностей экспорта ухудшает перспективы посткризисного роста. Чтобы наращивать свою долю на рынке, вероятно, придется снижать цену, а значит, и прибыль. Для экономики, чей рост целиком зависит от экспортного сектора и инвестиций, это очень опасно.

Другим, и, вероятно, куда более опасным для перспектив китайской экономики, обстоятельством стала новая внешняя политика «перезагрузок» и признания «особого» статуса Китая администрацией Президента США Барака Обамы. Однозначно воспринимаемая как свидетельство признаваемого самими американцами «одряхления» единственной мировой «сверхдержавы», она ослабляет мотивы, удерживающие китайское руководство от массивированного передела собственности иностранцев.

Приведенные выше соображения не означают, что следует ожидать скорого обвала китайской экономики. Уже сделанные огромные прямые инвестиции исключают возможность быстрого вывода капиталов, даже если бы все вдруг обнаружили, что вести дела в Китае стало опасно. Однако очевидно, что новые проекты будут переоцениваться в свете новой информации, что, по нашему мнению, не может не сказаться и на будущих темпах роста китайской экономики.

Антикоррупционная и антикапиталистическая, по сути, риторика государственных СМИ, сопровождающая аресты и конфискации, способствует в краткосрочном периоде укреплению позиций правящей группировки. Получаемые же китайским руководством сигналы с Запада о безнаказанности подобных действий в сочетании с «головокружением» от успехов своего и иностранного бизнеса снижают вероятность прекращения подобной практики в будущем. Сохранение этой практики чревато уже не просто замедлением темпов роста...

Существует очевидная и надежно регистрируемая взаимосвязь между устойчивостью правовой демократии в стране и высоким уровнем экономического развития. Дискуссия о направлении каузальности при этом ведется давно и по-прежнему далека от завершения⁵¹. Как отмечал Джеймс Бьюкенен, история — единственная доступная экономисту лаборатория. Китай и его история, в том числе та, что делается у нас на глазах, — не исключение.

Мы предполагаем, что только правовая демократия, обеспечивая неприкосновенность собственника, дает наилучшие гарантии частной собствен-

⁴⁹ Huang Guangyu, China's richest man, disappears amid corruption investigation // The Times. 2008. November 25. www.timesonline.co.uk/tol/news/world/asia/article5221230.ece.

⁵⁰ Heritage Foundation Events: The New Strategic and Economic Dialogue with China: Fresh Start or Waste of Time? Discussion hosted by Derek Scissors; speakers S. Dunaway, E. Gresser, T. Smith (www.heritage.org/Press/Events/ev072109a.cfm).

⁵¹ См., в частности, обзор этой дискуссии в статье: Яновский К., Шульгин С. Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития // Экономическая политика. 2008. № 3.

ности и соответственно создает оптимальные условия для долгосрочного экономического роста⁵². Ранее мы также высказывали предположение о том, что успехи авторитарной модернизации Китая связаны, с одной стороны, со снижением для большинства китайцев риска стать жертвой расправы и, с другой — с гарантиями, которые до недавнего времени фактически представлялись китайскими властями гражданам стран правовой демократии⁵³.

Ближайшее десятилетие в Китае станет, вероятно, проверкой как теорий о направлении каузальности связи «демократия—экономический рост», так и нашей гипотезы об одной из причин успехов Китая. Если заметное замедление темпов экономического роста начнется именно в ближайшие десять лет при сохранении значительного «навеса» дешевой рабочей силы, это станет аргументом в пользу нашей гипотезы. Если замедления темпов экономического роста в Китае вообще не произойдет, это будет весомым аргументом в пользу гипотезы о том, что только богатые страны могут позволить себе такую роскошь, как демократия.

7. Возможные сценарии будущего развития

Для прогнозов мы делаем допущение, что политические (имперские) вложения в КНР не будут расти: доля в ВВП обороны, космоса, внешних инвестиций с неочевидной отдачей и очевидными рисками (типа инвестиций государственных компаний в Латинской Америке⁵⁴).

Вызовами при всех сценариях будут:

- социально-политическая нестабильность, вызванная растущими трудностями адаптации трудоизбыточного населения на фоне кампаний по делегитимации богатства, успеха и т. п. Такие кампании помимо прочего возрождают и усиливают надежды дезадаптированных мигрантов и сельских безработных на перераспределение плодов чужого успеха;
- нарастание «социальных» расходов и обязательств, меняющее баланс сил во власти, подпитывающее ожидания трудоизбыточного населения и дополнительно усиливающее нестабильность.

Сценарий 1. Решение проблем балансирования доходов и расходов на фоне роста последних путем демократизации при «всеобщем избирательном праве». При попытке такой демократизации после установления «нового режима» помимо рисков собственно политического перехода к демократии неизбежно проявятся острые проблемы. «Новая» КПК, сочетающая агрессивную социальную демагогию и национализм, будет иметь несомненный и стабильный успех среди трудоизбыточного населения и сможет опереться на густую сеть организаций⁵⁵. Подобная проблема проявилась во всех переходных странах, затрудняя принятие необходимых решений и развитие содействующих рынку институтов. Однако наиболее серьезными эти проблемы оказались в России, Румынии, Молдавии, Болгарии, на Украине и в некоторых других странах, в то время как минимальными они были в Эстонии, где значительная часть плохо адаптированного к рынку населения была исключена из политического процесса. Очевидно, что такой сценарий сопряжен с крайне ограниченными

⁵² Яновский К., Шульгин С. Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития.

⁵³ Мау В., Жаворонков С., Яновский К. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки.

⁵⁴ Панама (www.tiwy.com/pais/panama/articulos/canal_de_panama_sera_ampliado.phtml), Венесуэла (www.rbc.ua/rus/newslne/2007/03/28/190151.shtml).

⁵⁵ Aron L. Poor Democracies // Post-communist economic growth / IET. М., 2002. P. 248—249.

возможностями реформ и строительства эффективных институтов при резком обострении политических проблем, включая клановые и национально-религиозные. Демократия не решит этих проблем, но даст старт невиданному раскручиванию конкуренции и совместных акций (на основе «логроллинга») групп специальных интересов. Эта активность будет обусловлена сочетанием растущих расходов на поставку смешанных общественных благ, на перераспределение («пирога», подлежащего разделу), равно как и возможностями использовать новые механизмы и бороться, не рискуя потерять свободу).

Сценарий 2. Институционально инерционный, с сохранением авторитарного режима. При реализации данного сценария будут постепенно усиливаться тенденции произвольного отъема собственности у «своих» наряду с постепенным же ростом претензий к иностранным предпринимателям.

Замещение постепенно сокращающихся прямых иностранных инвестиций государственными или полугосударственными обусловит общее снижение эффективности инвестиций в экономике. Поэтому темпы роста после текущего кризиса не восстановятся на прежнем уровне. Мы не занимаемся здесь оценкой того, каким был этот уровень, отметим лишь, что, вероятно, существенно ниже, чем по официальным данным. Значит, после нового падения рост подушевого ВВП будет вполне сопоставим с показателями США и — при усилении наблюдаемых нынешних тенденций — несколько ниже, чем в Индии. По мере стабилизации экономических институтов, содействующих рынку, Индия будет постепенно составлять все более серьезную конкуренцию Китаю в качестве объекта прямых иностранных инвестиций.

Вероятность новых радикальных реформ в направлении дерегулирования в США и Европе мы не рассматриваем, хотя такие реформы могли бы существенно снизить относительную привлекательность КНР как объекта инвестиций. При этом снижение административных барьеров в развитых странах дало бы потенциальным инвесторам возможность выбора при инвестициях в капиталоемкие высокотехнологичные производства, в то время как Индия потенциально могла бы со временем конкурировать с Китаем за трудоемкие производства.

Наличие огромных резервов позволит Китаю сохранить мощную экономику и политическую стабильность еще в течение сравнительно долгого времени (при оговоренных допущениях). Ценой этого станет политическое усиление той части бюрократии, которая связана с поставкой смешанных общественных благ, мало заинтересована в стабильном правовом порядке и, напротив, заинтересована в постоянном раздувании наименее эффективных расходов, дестимулирующих предложение труда. В результате постепенное размывание трудовой этики уничтожит важное конкурентное преимущество Китая перед Индией.

Постепенное нарастание тенденций к стагнации экономики и исчерпание финансовых резервов со временем приведет к размыванию экономической основы политической стабильности, а сократившиеся прямые иностранные инвестиции не смогут поддержать занятость даже квалифицированных и образованных работников, часть из которых станет источником опасного недовольства.

Сценарий 3. Захват власти некой группировкой в руководстве КПК, связанной с армией и заинтересованной в долгосрочном поддержании высоких темпов роста ВВП при сохранении: (1) социально-политической стабильности; (2) доли оборонных расходов в ВВП; (3) доли обороны в расходах бюджета (особый интерес здесь может быть в замораживании доли социальных расходов, с тем чтобы не допустить ослабления позиций оборонного

ведомства в правительстве и решить проблему социальной стабильности за счет роста активного процветающего меньшинства, а не подкупа и стимулирования паразитизма большинства).

Происходит реабилитация предпринимателей и полная или частичная реституция имущества. После чего для долгосрочной политической стабилизации, повышения прозрачности власти и в конечном счете — инвестиционной привлекательности страны эта группировка осуществляет демократизацию. Однако для того, чтобы избежать негативных эффектов популистской политики и обеспечить плавность перехода, реализуется модель демократии с налоговым и образовательным цензом. После и в результате этого рост доли граждан, обладающих правом голоса, будет зависеть от экономического роста, от увеличения доли эффективных и квалифицированных работников в общей численности населения (существует пример постепенного получения гражданства русскими в Эстонии, где рост числа новых граждан не привел пока к усилению ни «пророссийских», ни тем более левых партий). Такой рост численности избирателей и их доли в населении не угрожает ростом спроса избирателя на социальные расходы и соответственно способствует поддержанию социально-политической стабильности. В рамках этого курса открываются наилучшие перспективы воссоединения материкового Китая с Тайванем, что может усилить легитимацию нового режима. Преимущество данного сценария в том, что политический вес Тайваня, измеряемый числом налогоплательщиков, был бы намного выше веса острова в общем взрослом населении Китая. Это, в свою очередь, означает, что политическое руководство Тайваня менее опасалось бы воссоединения.

Совершенно очевидно, что такой сценарий выглядит крайне маловероятным. Между тем именно он обеспечивает институциональные рамки для долгосрочного экономического роста. Именно при таком или подобном сценарии страна станет наиболее привлекательным торговым партнером России, объектом и источником инвестиций, стабилизирующим политическим фактором в мире. Именно при подобном сценарии Китай сможет прочно занять позицию крупнейшей экономики мира.

Основные выводы

Экстраполяция тенденции высоких темпов экономического развития Китая на будущее крайне рискованна в силу ряда проблем, таких как:

- исчерпаемость резерва качественной рабочей силы;
- наблюдаемое быстрое ухудшение делового климата вследствие неэффективности «неписанных правил» и неустойчивости благоприятных для бизнеса «традиций» 1980-х — начала 2000-х годов;
- провоцирование медиаоркестровкой «антикоррупционной» кампании социальной напряженности и соответствующего нарастания рисков социально-политической нестабильности; провоцирование роста надежд трудоизбыточного населения (на получение своей доли от передела собственности богатейших сограждан).

В условиях падения темпов роста есть основания ожидать неуклонного роста социальных обязательств государства. В этом же направлении действует стимул чиновничества (особенно гражданского) раздувать расходы своих ведомств в бюджете. Таким образом, тенденция «масло наряду с пушками» имеет в Китае лучшие перспективы, нежели тенденция к росту прямых иностранных инвестиций. Реализация сценариев развития, согласно которым Китай займет место крупнейшей экономики мира, менее вероятна, чем сценариев, сопряженных с обострением отмеченных выше проблем.